

К вопросу о системе международно-правовых инструментов в сфере регулирования сотрудничества государств по передаче технологий в целях устойчивого развития¹

Шугуров М. В.,

доктор философских наук,
доцент, профессор кафедры международного права
Саратовской государственной юридической академии
E-mail: shugurovs@mail.ru

Аннотация. Целью исследования является формирование представления о комплексе международно-правовых инструментов разной юридической силы в сфере устойчивого развития, в которых содержатся положения о передаче экологически чистых технологий. Актуальность подобного анализа обосновывается тем, что передача технологий рассматривается в Повестке дня в области устойчивого развития на период до 2030 года в качестве одного из средств достижения целей устойчивого развития, чрезвычайно важного для развивающихся стран. В качестве методологической основы выступает концепция «твердого» и «мягкого» международного права, которая рассматривается в качестве релевантной для международного-правового регулирования международного инновационного и научно-технического сотрудничества (МИНТС) в целом и передачи технологий в частности. В этой связи источники «мягкого» права классифицированы на ключевые программно-стратегические документы, принимаемые на глобальных международных конференциях, и акты уставных органов международных организаций.

В статье особым образом показана роль стратегий и программ, разрабатываемых и реализуемых в целях имплементации международно-правовых обязательств в сфере передачи технологий. Повышенное внимание автор уделяет анализу прямого и обратного соотношения источников «мягкого» и «твердого» международного права в рассматриваемой сфере, в которых одинаковым образом воплощена концепция устойчивого развития. Установлено, что принятие новых международно-правовых обязательств, предусмотренных заключаемыми международными договорами, а также выполнение ранее принятых обязательств по действующим договорам происходит параллельно с принятием и выполнением обязательств политико-правового характера, выполняющих стимулирующую функцию.

В статье показано, что рекомендательные документы играют важную роль в повышении эффективности международного-правового регулирования МИНТС в целом и передачи технологий в частности.

Результатом исследования является положение о том, что последовательное и синергичное выполнение различных по своей природе и своему предмету обязательств по передаче технологий, предусмотренных в данных инструментах, является залогом кумулятивного эффекта, способного приблизить переход к устойчивому развитию.

Ключевые слова: научно-техническое сотрудничество государств, устойчивое развитие, технологии, развивающиеся страны, «мягкое» международное право.

Международная передача технологий — одна из традиционных форм международного инновационного и научно-технического сотрудничества (далее — МИНТС), наряду с совместными исследованиями и разработками, обменом данными и информацией, подготовкой и обменом специалистами. Ее

содержательная особенность заключается в том, что она выступает опосредующим звеном между разработкой технологий и их использованием. Сегодня сфера создания, разработки и передачи особого рода технологий, а именно — экологически обоснованных («устойчивых», «чистых», «зеленых») — не представляет собой самодовлеющую сферу: она является средством достижения целей устойчивого развития (далее — ЦУР), закрепленных

¹ Работа выполнена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 17-03-00400.

в Повестке дня в области устойчивого развития на период до 2030 г. (далее — Повестка-2030)². Более того, как это следует из ЦУР № 17, международная передача технологий, предполагающая также передачу знаний и ноу-хау, является одним из средств обеспечения перехода к устойчивому развитию в дополнении к финансированию, формированию потенциала, развитию торговли и увеличению притока инвестиций.

Вполне очевидно, что повышение роли передачи экологически чистых технологий для перехода к устойчивому развитию и достижения его целей определяет усиление роли международного права в регулировании международного инновационного и научно-технического сотрудничества государств в целом и передачи технологий в частности. А это означает необходимость прогрессивного развития механизма международно-правового регулирования международных отношений в соответствующей сфере. Оно выражается, во-первых, в дальнейшей разработке правовых основ международного сотрудничества государств. Во-вторых, неопределимое значение имеет развитие и повышение эффективности конвенционных и институциональных организационно-правовых механизмов, обеспечивающих точное и своевременное выполнение обязательств по осуществлению МИНТС в целях устойчивого развития, взятых на себя сторонами тех или иных международных договоров.

Если специально останавливаться на первом вопросе, то он предполагает постановку и решение задачи, имеющей не только теоретическое, но и практическое значение. В качестве таковой выступает формирование комплексного представления о системе источников — своего рода инструментов — международно-правового регулирования передачи технологий. Безусловно, концепция «твердого» и «мягкого» международного права, являясь значимой для понимания международно-правового обеспечения перехода к устойчивому развитию, на чем мы останавливались в одной из работ³, должна быть распространена на регулирование МИНТС в целях устойчивого развития.

Как известно, концепция устойчивого развития оказывает влияние на содержание норм и принципов международного права, определяет его дальнейшее развитие⁴. В западной международно-правовой доктрине говорится о межотраслевом институте, именуемом международным правом устойчивого развития (*international sustainable development law*)⁵, к которому также необходимо отнести не только положения трех отраслей международного права — экономического, экологического и международного права прав человека, но и положения морского, природоресурсного, торгового права и т.д. В структурном плане оно представлено источниками «мягкого» и «твердого» международного права. Соответственно, систему источников международного права устойчивого развития образуют не только международные договоры, но и рекомендательные акты. Неслучайно в Йоханнесбургском плане 2002 г. упоминается внушительное количество не только международно-правовых актов, но и деклараций, руководств, резолюций Генеральной Ассамблеи ООН и т.д., имеющих отношение к осуществлению повестки в области устойчивого развития.

Свое воплощение в международном праве нашла и та часть концепции устойчивого развития, в которой акцент ставится на использовании научно-технических средств для обеспечения перехода к устойчивому развитию в формате широкого международного сотрудничества, включая передачу технологий. Так, в п. 24 «Доклада Брундтланд» была выражена вера в то, что ограничение в области эксплуатации природных ресурсов, предполагаемое концепцией устойчивого развития, является не абсолютным, а относительным, и именно технические аспекты позволят вступить в новую эру экономического роста. По этой причине в большинстве источников затрагиваются вопросы МИНТС и передачи технологий. Думается, что к одной из задач доктрины относится осуществление их классификации на основе учета содержания и формы закрепления обязательств в рамках механизма международно-правового регулирования МИНТС.

² Повестка дня на XXI век // A/CONF/151/26/Rev.1 (Vol. 1). [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/agenda21.stml (дата обращения: 23.10.2017).

³ Шугуров М.В. Роль источников «мягкого права» в международном праве устойчивого развития // Роль международных и внутригосударственных рекомендательных актов в правовой системе России: Сборник материалов круглого стола с международным участием (Иркутск, 26.04.2013). Иркутск: Иркутский институт законодательства и правовой информации им. М.М. Сперанского, 2013. С. 45-63.

⁴ Заворина Ю.А. Концепция устойчивого развития и ее воплощение в международном праве // Право и политика. 2016. № 2. С. 239-247; Schrijver N. The Evolution of Sustainable Development in International Law: Inception, Meaning and Status. Brill Martinus Nijhoff Publisher 2008; Bugg H.C., Voight C. Sustainable Development in International and National Law: What Did the Brundland Report Do to Legal Thinking and Legal Development, and Where Can We Go From Here? Groningen: Europa Law Publishing, 2008.

⁵ Maniruzzaman A.F., Schwabach A., Cockfield A.J., Tarlock A.D. International Sustainable Development Law (UNESCO Project). Oxford: EOLSS Publishers Co Ltd., 2010.

Прежде чем говорить о многообразии соответствующих международно-правовых основ и осуществлять их классификацию, остановимся на характере отношений между источниками «мягкого» международного права и источниками «твердого» международного права. Он заключается в том, что положения рекомендательных документов проникают в состав положений твердого международного права и отражаются в различных международных соглашениях. Поэтому не представляется возможным усматривать локализацию «мягкого» права вне международного права в целом: они не образуют собой мир, параллельный договорному праву. Хотя, конечно, по традиции в доктрине анализ международно-правовых инструментов в области устойчивого развития предваряется отдельным рассмотрением рекомендательных документов⁶.

В программно-стратегических документах разного характера, а также иных источниках «мягкого» международного права (резолюциях Генеральной Ассамблеи ООН, резолюциях ЭКОСОС, решениях конференций сторон природоохранных конвенций и др.) содержится указание на потенциал договоров, относящихся к сфере устойчивого развития и включающих положения о МИНТС, в частности, указывается на ст. 5 Рамочной конвенции ООН об изменении климата 1992 г. (далее — РКИК ООН), ст. 18 Конвенции о биоразнообразии (далее — КБР) и т.д. для разрешения тех или иных секторальных проблем. В них также содержится призыв к присоединению и ратификации договоров в той или иной предметной области и их последующему выполнению. Это можно объяснить тем, что решение проблемных вопросов, в том числе в сфере МИНТС, обусловлено участием государств, особенно развивающихся, в данных соглашениях.

В этой связи следует отметить, что международные договоры включают положения, закрепляющие соответствующие международно-правовые обязательства сторон по каждой форме МИНТС и дополняющие обязательства по осуществлению мер на национальном уровне в научно-технической сфере. В свою очередь, положения программно-стратегических и иных документов, в которых концепция устойчивого развития формализована в детальной форме, зачастую явно или неявно отражаются в тексте источников «твердого» международного права — в преамбулах или статьях, посвященных целям того или иного договора, а также в статьях, предусматривающих международно-правовые обязательства, и выполняют тем самым

целеориентирующую функцию⁷. Однако вполне заметны и моменты корреляции, выражающиеся в том, что принимаемые международно-правовые обязательства в сфере МИНТС подкрепляются политико-правовыми обязательствами, закрепленными в источниках «мягкого» международного права.

Другими словами, принятие новых международно-правовых обязательств, предусмотренных заключаемыми международными договорами, а также выполнение ранее принятых обязательств по действующим договорам происходит параллельно с принятием и выполнением обязательств политико-правового характера, выполняющих стимулирующую функцию. Так, в литературе высказывается позиция о том, что, например, Повестка-2030, содержащая ЦУР, выступает «в качестве дополнительного инструмента к международному праву, международным конвенциям, договорам, обеспечивая нормативные рамки взаимодействия стран, мобилизуя и стимулируя заинтересованные стороны к действиям»⁸. Более того, международные договоры предполагают обеспечение выполнения политико-правовых обязательств.

Следовательно, данная категория документов рассчитана на содействие повышению эффективности имплементации международно-правовых обязательств государств, закрепленных в договорах, относящихся к «твердому» международному праву. В качестве аргумента укажем на то, что в актах «мягкого» права содержатся обязательства, например, предпринимать конкретные меры, действия и усилия, в том числе по поощрению, стимулированию МИНТС и передаче технологий т.д. Эти обязательства скоррелированы с международно-правовыми обязательствами, так как в данных документах находит свое выражение приверженность выполнять обязательства по конвенциям, которые релевантны для устойчивого развития (своего рода обязательства по поводу обязательств). Выполнение политико-правовых обязательств и воплощение намерений мыслится в рамках строгого соблюдения «твердого» международного права, значение которого усматривается в решении общесистемных и специальных-системных вопросов.

И еще один немаловажный аспект. В рекомендательных документах государствами были подтверждены политико-правовые обязательства, которые позволили заключить целый

⁶ Tladi D. Sustainable Development in International Law: an Analysis of Key Enviro-economic Instruments. Pretoria: University of Pretoria, 2007. P. XIII-XIV.

⁷ Заворина Ю.А. Устойчивое развитие — принцип международного права? // Евразийский юридический журнал. 2015. № 12. С. 34-38.

⁸ Бобылев С.Н., Соловьева С.В. ООН: смена целей // Мировая экономика и международные отношения. 2016. Т. 60. № 5. С. 35.

ряд международных договоров, соотносящихся с разными секторами устойчивого развития и содержащих положения о МИНТС и передаче технологий (ст. 23 Нагойского протокола 2010 г., ст. 14 Минаматской конвенция о ртути 2013 г., ст. 10 Парижского соглашения о климате 2015 г.). Сказанное означает, что такой аспект повестки в области устойчивого развития как МИНТС предполагает не только соблюдение соответствующих положений международного права, но и развитие последнего. В этой связи некоторые программно-стратегические документы рекомендательного характера в области устойчивого развития можно рассматривать в качестве источника международных договорных норм в широком смысле слова.

В дополнение нельзя не упомянуть и достаточно интересную точку зрения о том, что рекомендательные акты выступают источником норм обычного международного права⁹. Помимо этого анализ норм и принципов современного международного права, а также толкование международно-правовых обязательств, принятых государствами и выполняемых ими, требует учета положений основополагающих международных документов в сфере устойчивого развития. Как пример приведем опыт комментирования положений программно-стратегических документов в контексте анализа положений международных договоров¹⁰.

В итоге, разные категории источников международного права не просто дополняют, а обуславливают друг друга. При достижении синергетического эффекта они исчерпывающим образом дают картину существующих общесистемных и секторальных проблем и предлагают вполне действенные способы их решения. Так, политико-правовые документы заостряют внимание на целой серии проблем, существующих в глобальном научно-технологическом миропорядке, и прежде всего такой проблемы, как глобальный технологический разрыв. В п. 119 специального раздела «Технологии, наука и инновации в интересах устойчивого развития» доклада Генерального секретаря ООН, посвященного вопросам достижения ЦУР, был отмечен неравномерный характер распределения доступа к новым технологиям внутри стран и между ними¹¹. Генеральный секретарь также подчеркнул,

что бедные страны во многих случаях лишены такого доступа.

Вполне понятно, что доступ развивающихся стран к экологически чистым технологиям является конкретизацией доступа в отношении других технологий. Проблемные моменты такого доступа детерминированы целым рядом барьеров — недостатком финансовых ресурсов для их приобретения, высоким уровнем защиты прав интеллектуальной собственности и т.д. Примечательно, что задачи по сокращению данных барьеров формулируются не только в рамках международной помощи развитию как таковой, но и оказания помощи в целях перехода к устойчивому развитию¹².

Расширение данного доступа требует очередных инициатив по созданию новых эффективных форм сотрудничества, которое необходимо должно осуществляться на международно-правовой основе, целевые контуры которой задают рекомендательные документы, играющие важную роль в повышении эффективности международно-правового регулирования МИНТС в целом и передачи технологий в частности. Это предопределяет востребованность проведения специального анализа содержания международных документов в сфере устойчивого развития по вопросам передачи технологий с тем, чтобы проследить закономерности развития повестки выявления существующих проблем и предлагаемых способов их решения.

Источники «мягкого» права в рассматриваемой сфере представляют собой достаточно обширный комплекс. В связи с тем, что МИНТС является высоко институционализированным направлением международного сотрудничества, многообразие данных источников обусловлено многообразием международных институциональных структур, к которым относятся международные организации, учреждения, органы, вспомогательные механизмы.

Следует выделить специальные и неспециальные международные рекомендательные документы. В неспециальных международных документах вопросы МИНТС рассматриваются среди прочих вопросов. К данного рода документам

Report of the Secretary-General on the post-2015 Sustainable Development Agenda. A/69/700 (4 December 2014). [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://www.un.org/ga/search/view_doc.asp?symbol=A/69/700&refer=http://t.co/i3AhClfm1r%Lang=E (дата обращения: 21.10.2017).

¹² Puustjärvi, E. et al. Transfer of Environmentally Sound Technologies from Developed Countries to Developing Countries: Background Document for the Ad Hoc Expert Group on Finance and Environmentally Sound Technologies. The Secretariat of the United Nations Forum on Forests, INDUFOR, Helsinki, 2003. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://citeserx.ist.psu.edu/viewdoc/summary?doi=10.1.1.361.9646> (дата обращения: 18.11.2017).

⁹ Помазан А.С. Международно-правовое регулирование помощи развивающимся странам в системе международных экономических отношений // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2015. № 3. С. 28.

¹⁰ Vinuales J.E. The Rio Declaration on Environmental and Development: a Commentary. Oxford: Oxford University Press, 2015. P. 24-60.

¹¹ The Road to Dignity by 2030: Ending Poverty, Transforming All Lives and Protecting the Planet. Synthesis

можно отнести итоговые документы международных саммитов и конференций по ключевым вопросам мирового развития, в том числе устойчивого развития. Сюда мы бы отнесли решения конференций сторон, которые конкретизируют обязательства по конвенциям и имеют обязательную силу.

Специализированные документы исходят как от конвенционных вспомогательных органов, так и от институциональных структур, которые координируют МИНТС и его отдельные направления. Это международные организации, комиссии и комитеты по науке и технике в составе международных организаций. Тем не менее данная классификация должна быть дополнена выделением документов, которые относятся к конкретной области МИНТС — космической, морской, химической, экологической и т.д. Именно в данных конкретных областях как раз и работают институционализированные структуры.

В перечне инструментов «мягкого» права вначале следует выделить собственно концептуальные программно-стратегические документы универсального характера, которые приняты на международных конференциях самого высокого уровня и которые, по сути, не имеют непосредственного отношения к конвенционным механизмам международно-правового регулирования МИНТС и передачи технологий.

Так, Повестка дня на XXI век, утвержденная большинством государств на Всемирном саммите в Рио-де-Жанейро в 1992 г., имеет глобальный характер и содержит детальную систему задач, которые призваны направить усилия мирового сообщества на достижение долгосрочных ЦУР. Две главы специально посвящены научно-техническим средствам — гл. 34 «Передача экологически чистой технологии, сотрудничество и создание потенциала» и гл. 35 «Наука для устойчивого развития». Повестка-XXI предусматривает расширение, облегчение и финансирование, где это необходимо, доступа к экологически чистым технологиям и их передачу, а также передачу соответствующих научно-технологических знаний и ноу-хау, особенно развивающимся странам, *на льготных условиях, включая концессионные и преференциальные условия, по совместной договоренности*, принимая во внимание необходимость защиты прав ИС и, что особенно интересно, с учетом потребностей развивающихся стран (п. 34.14b). С нашей точки зрения, здесь нашла свое выражение коренная проблема согласования интересов развитых государств (необходимость защиты прав ИС) и потребностей развивающихся государств (потребность в развитии на основе использования технологий).

Йоханнесбургская декларация по устойчивому развитию, принятая на Всемирной встрече на высшем уровне по устойчивому развитию (Йоханнесбург, 26 августа — 4 сентября 2002 г.), является документом, в котором, как мы полагаем, акцент был поставлен именно на содействии вовлечению развивающихся стран в процесс перехода к устойчивому развитию. Удовлетворение потребностей развивающихся стран в технологических и финансовых ресурсах мыслится через активизацию международного сотрудничества, в рамках которого было указано на создание условий, при которых можно было бы использовать современную технологию в целях развития. Это предусматривает принятие мер по обеспечению передачи технологий. Особенность декларации заключается в том, что в ней не упоминается категория экологически чистых технологий. Однако, из перечня тех потребностей, которые надлежит удовлетворить в первую очередь, следует, что данные технологии подразумеваются.

Вопросы передачи различных экологически безопасных технологий и современных ноу-хау в развивающиеся страны на взаимосогласованных условиях предусмотрены в итоговых документах саммитов ООН по проблемам развития — в Итоговом документе Всемирного саммита 2005 г. (п. 55b, 55i, 60b) и Итоговом документе саммита 2010 г., посвященного достижению Целей развития тысячелетия (п. 60, 70t, 77b, 77f, 78u).

Вновь возвращаясь к документам, собственно, в сфере устойчивого развития укажем на Итоговый документ Конференции ООН РИО+20 «Будущее, которого мы хотим», принятый на Конференции ООН по устойчивому развитию в 2012 г. Как подчеркивается в п. 13 Справочной записки для заседаний за круглым столом в рамках Конференции, для того, чтобы планировать меры по обеспечению эффективного осуществления Итогового документа Конференции, важно признать и учитывать потенциальные возможности науки и техники, реализовывать которые на практике можно будет, в частности, на основе укрепления международного сотрудничества в деле передачи и распространения технологий¹³.

Отдельные успехи по достижению устойчивого развития, отмеченные в специальной брошюре ООН, приуроченной к Конференции

¹³ Справочная записка для заседаний за круглым столом в рамках Конференции ООН по устойчивому развитию «Анализ будущих направлений работы по выполнению решений, которые предполагается принять на Конференции» // A/CONF.216/4 (29 мая 2012 г.). [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://rio20.un.org/sites/rio20.un.org/files/a-conf_216-4_russian_0.pdf (дата обращения: 06.12.2017).

РИО+20¹⁴, стали возможны благодаря использованию инновационных наукоемких технологий, являющихся результатами научно-технического прогресса. Поэтому неслучайно в разделе Итогового документа Конференции после характеристики такого средства перехода к устойчивому развитию, как финансы, идет раздел В «Технологии». Технологии как средства достижения целей устойчивого развития были широко проанализированы в п. 269—276. В дополнении к этому вопросы передачи технологий в конкретных секторах устойчивого развития были затронуты в других пунктах (п. 160, 119, 213—223 и т.д.).

К главному программно-стратегическому документу в области устойчивого развития на сегодняшний день относится Повестка-2030, в которой была подтверждена роль международного права в достижении согласованных ЦУР. С нашей точки зрения, признание роли международного права распространяется и на достижение тех целевых задач, которые предусматривают развитие и использование научно-технических средств. То, что наука и технологии являются важнейшими средствами для достижения ЦУР и входящих в их состав целевых задач, следует из текста Повестки-2030. Достаточно обратиться к Цели 1, посвященной ликвидации нищеты во всех ее формах, в составе которой задача 1.4 исходит из важности обеспечения доступа к соответствующим новым технологиям. А в задаче 2.5. непосредственно указывается на необходимость инновационного развития сельскохозяйственных технологий. В сущности, вопросы разработки и передачи технологий прямо или косвенно затрагиваются в остальных целевых задачах в различных секторах устойчивого развития.

С универсальными программно-стратегическими документами тесно связаны документы фундаментального характера, нацеленные на обеспечение закрепленных в них политико-правовых обязательств в сфере МИНТС, включая передачу технологий: Программа действий 1997 г. по дальнейшему осуществлению Повестки дня на XXI век (п. 25, 29m, 45 и особенно п. 88-97 раздела «Передача экологически чистых технологий»); План выполнения решений Всемирной встречи на высшем уровне по устойчивому развитию (Йоханнесбургский план) 2002 г. (п. 105e, 106c и др.).

Казалось бы, что политико-правовые обязательства, принимаемые на международных

конференциях (саммитах, конференциях, совещаниях), закрепленные в соответствующих итоговых документах, имеют сугубо рекомендательный характер. Тем не менее, в отношении осуществления принятых на них решений существует механизм оценки выполнения, в чем-то сходный с конвенционным механизмом оценки выполнения международно-правовых обязательств. Оценка осуществления принятых решений происходит в формате самого широкого сотрудничества в рамках Глобального партнерства в интересах устойчивого развития, политическим органом которого является Политический форум высокого уровня по устойчивому развитию.

Основную роль в международно-правовом регулировании передачи технологий в целях устойчивого развития имеют положения тех международных соглашений, которые в той или иной форме воплотили концепцию устойчивого развития и которые включают обязательства, выполнение которых в явной или неявной форме направлено на достижение ЦУР. Поскольку концепция устойчивого развития плотно вошла в «материю» международного права, то договорная база МИНТС и передачи технологий в целях устойчивого развития достаточно внушительна.

Одной из особенностей договорных международно-правовых обязательств в сфере МИНТС, как и обязательств в отношении развития национальной научно-технической сферы, является то, что они являются вспомогательными, а не главными. Это определяется тем, что те или иные договоры в сфере устойчивого развития направлены на решение какой-то глобальной проблемы, в отношении которой научно-технические средства — это один из видов инструментария, на который, как правило, указывается в преамбулах международных договоров и преамбулах протоколов к ним. Поэтому обязательства в сфере МИНТС и передачи технологий, а равно обязательства в сфере международного содействия (финансирования и формирования потенциала) направлены на обеспечение выполнения основных обязательств, имеющих принципиальный характер (общих обязательств) и обеспечивающих достижение цели договора. Наиболее четко данный вывод демонстрирует КБР, направленная на достижение триединой цели сохранения, устойчивого использования генетических ресурсов и распределения выгод на справедливой и равной основе от их применения. В этом же духе сформулировано положение ст. 1 Нагойского протокола к Конвенции о биоразнообразии. Нельзя не указать и на ст. 2 Киотского протокола 1997 г. к РКИК ООН, в ст. 2 которого исследования и разработки, а также передача технологии рассматриваются как способ выполнения сторонами

¹⁴ РИО+20. Конференция ООН по устойчивому развитию. Рио-де-Жанейро, Бразилия, 20—22 июня 2012 г. Нью-Йорк: ООН, 2012. С. 9. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.un.org/sustainablefuture/brochure.pdf> (дата обращения: 07.12.2017).

своих количественных обязательств по ограничению и сокращению выбросов.

Однако данный вывод может быть лишь частично применен к оценке Международного договора о растительных генетических ресурсах для производства продовольствия и ведения сельского хозяйства 2001 г., в ст. 5.1 которого исследование генетических ресурсов, по сути, отнесено к основному обязательству наряду с их сохранением и устойчивым использованием. Кроме этого, анализ ст. 4 РКИК ООН также показывает, что обязательства сторон в научно-технической сфере могут рассматриваться в качестве самостоятельных. Указанная закономерность прослеживается и в ранее принятой Венской конвенции об охране озонового слоя 1985 г., в ст. 2 которой в числе общих обязательств предусматривается проведение научных исследований и обмен информацией.

Как правило, специальные договоры между государствами, а также межправительственные и межведомственные договоры в научно-технической сфере заключаются на двустороннем уровне. В них обязательства в научно-технической сфере являются основными, что является одной из причин того, что с технико-юридической точки зрения закрепление обязательств сторон многосторонних международных договоров в сфере того или иного сектора устойчивого развития применительно к тем или иным формам МИНТС отличается некоторой неполнотой и отсутствием системности. Это проявляется иногда в отсутствии полноценных статей по той или иной форме МИНТС (Роттердамская конвенция о процедуре предварительного обоснованного согласия в отношении отдельных опасных химических веществ и пестицидов в международной торговле 1998 г.; РКИК ООН) либо в совмещении в одной статье обязательств по разным формам МИНТС (ст. 10 Базельской конвенции о контроле за трансграничной перевозкой опасных отходов и их удалением 1989 г., ст. 23 Нагойского протокола 2010 г., ст. 14 Минаматской конвенции по ртути 2013 г.), дублировании положений (ст. 3 и 4 Венской конвенции об охране озонового слоя 1985 г.; ст. 18 и 19 Конвенции о биоразнообразии).

Что касается таких форм, как исследования и разработки, то обязательства по ним отличаются высоким уровнем конкретности и детализированности (ст. 11 Стокгольмской конвенции о стойких органических загрязнителях 2001 г., ст. 19 Минаматской конвенции 2013 г.). Однако исчерпывающая детализация обязательств в сфере научных исследований и разработок прослеживается не всегда (РКИК ООН). Тем не менее, встречаются случаи достаточной детализации таких форм, как обмен научной информацией (ст. 13.2а Договора о генетических

ресурсах растений 2001 г.), а также доступа и передачи технологий (ст. 16 КБР, ст. 13.2b Договора о генетических ресурсах растений 2001 г.). Особым образом надо указать на Конвенцию по борьбе с опустыниванием 1994 г., которая включает чрезвычайно детальный раздел, специально посвященный научно-техническому сотрудничеству, в рамках которого прописаны обязательства по всем основным формам МИНТС (ст. 16—18). В полной мере в ней оказался реализованным и комплексный подход к обеспечению перехода к устойчивому развитию, что видно на примере раздела «Меры содействия», включившего обязательства по содействию формированию потенциала и финансированию.

Надо отметить, что не все сектора устойчивого развития управляются на основе кодифицированного акта. Так, значимые для устойчивого развития климатическая область, биоразнообразие, борьба с опустыниванием, предотвращение загрязнений опасными химическими веществами представлены системой специальных общеобязательных источников, в которых есть положения, регулирующие МИНТС. Но ряд направлений не регулируются на основе специальных международных договоров, хотя для них характерны весьма авторитетные источники «мягкого» права. К таким сферам можно отнести сферу сотрудничества по переходу к устойчивому лесопользованию и сельскому хозяйству. Но это не означает, что международные отношения, включая МИНТС и передачу технологий, в данных сферах не урегулированы договорными нормами: они урегулированы нормами из смежных подотраслей международного экологического права. При этом всем указанным сферам присущ межсекторальный элемент. В одинаковой степени они пересекаются и с международным экономическим правом и международным правом прав человека.

Международно-правовые основы политики международной передачи технологии в целях внедрения рационального лесопользования характеризуются комплексным характером двоякого рода. Во-первых, это сочетание положений источников международного «мягкого» и «твердого» права, что, в сущности, является общим для международно-правового регулирования отношений в различных сферах международного сотрудничества. Во-вторых, комплексность на уровне международно-договорных отношений заключается в том, что при отсутствии единого международного договора по лесам международные отношения в данной сфере, включая передачу технологий, регулируются положениями международных договоров, таких как КБР, РКИК ООН, Международным соглашением по тропической древесине 2006 г. и т.д. В-третьих, источники «мягкого» международного

права, в которых сформулированы международные обязательства политического характера, представлены документами в области устойчивого развития, специальными документами в рамках Международного механизма по лесам, а также документами, принятыми организационными структурами соответствующих конвенций, например, КБР. Здесь следует указать на Канкунскую декларацию по актуализации тематики сохранения и устойчивого использования биоразнообразия для благополучия людей¹⁵. В данной декларации затрагиваются вопросы сохранения биоразнообразия лесов. Нельзя не указать и на решение XIII/7, принятое на 13-й Конференции сторон КБР «Биоразнообразии лесов»¹⁶, в котором уделяется повышенное внимание усилению взаимодействия между конвенциями, связанными с лесами.

Международно-правовые обязательства договорного характера многообразны, в том числе с юридико-технической точки зрения. Но в силу сказанного к отдельным недостаткам технико-юридического закрепления обязательств по МИНТС вряд ли допустимо использование термина «дефект». Международные договоры предусматривают принятие сторонами конкретных мер для выполнения обязательств как на национальном, так и на международном уровнях. На национальном уровне предполагается включение мероприятий, направленных на достижение цели того или иного договора, в национальные планы развития. Выполнение обязательств по международным договорам в сфере устойчивого развития на коллективной основе предполагает осуществление мер на международном уровне, в основе которых находятся программы, планы, стратегии, являющиеся рамками, содействующими выполнению обязательств.

В этой связи непреходящую ценность для уточнения обязательств по МИНТС, включая передачу технологий, и их последующей реализации имеют стратегические планы, программы, рекомендации, планы действий, принимаемые конвенционными органами, а также

международными организациями. Данные документы могут быть посвящены исключительно вопросам МИНТС, но зачастую соответствующие вопросы достаточно широко освещаются в документах, имеющих комплексный характер. Они также относятся к источникам «мягкого» права, но выступают в отличие от фундаментальных программно-стратегических документов в сфере устойчивого развития не инструментами целеориентации, а инструментами осуществления обязательств.

Таким образом, в процесс разработки, принятия и осуществления данного рода документов вовлечены различные механизмы конвенционного и внеконвенционного характера, что имеет важное значение для выполнения конвенционных обязательств в научно-технической сфере. В них содержатся программные области по МИНТС, которые предусматривают большое количество мер и инициатив, определяющих успех в выполнении конвенционных обязательств. В частности, в п. 2 ст. 2 Конвенции по борьбе с опустыниванием 1994 г. указывается, что для достижения цели Конвенции необходима долгосрочная комплексная стратегия для затрагиваемых регионов, предусматривающая повышение продуктивности земель, восстановление, сохранение и устойчивое использование земельных и водных ресурсов в целях повышения уровня жизни, особенно на уровне общин. В этом же духе в ст. 14 Международного договора о генетических ресурсах растений 2001 г. указывается на Глобальный план действий в целях сохранения и устойчивого использования растительных генетических ресурсов для производства продовольствия и ведения сельского хозяйства, который имеет важное значение для выполнения обязательств по Договору. Интересно отметить, что для такого сектора, как устойчивое лесопользование, важное значение имеет Стратегический план ООН по лесам на 2017—2020 гг.

В связи с тем, что в начале XXI в. мировому сообществу не удалось добиться сокращения биоразнообразия, в 2008 г. Генеральная Ассамблея призвала государства-члены ООН более энергично выполнять обязательства по значительному снижению к 2010 г. темпов утраты биоразнообразия, уделяя внимание этой задаче в своих национальных стратегических программах (RES A/63/219 от 19.12.2008). Однако и к 2010 г. этого не удалось сделать. Поэтому в качестве инновационного инструмента реализации данных обязательств выступил принятый на десятом совещании Конвенции сторон КБР (Нагоя, Япония, 18—29 октября 2010 г.) Стратегический план в области сохранения и устойчивого использования биоразнообразия на 2011—2020 гг., а также Целевые задачи по сохранению

¹⁵ Канкунская декларация по актуализации тематики сохранения и устойчивого использования биоразнообразия для благополучия людей 2016 г., принятая на 13-й Конференции сторон (Канкун, Мексика, 4—17 декабря 2016 г.). [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://www.cbd.int/cop/cop_13/h (дата обращения: 01.12.2017).

¹⁶ Решение XIII/7 Конференции сторон Конвенции о биологическом разнообразии «Биоразнообразии лесов: роль международных организаций в оказании поддержки выполнению целевых задач по сохранению и устойчивому использованию биоразнообразия, принятых в Айти // CBD/COP/DEC/XIII/7 (10.12.2016). [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://69.90.183.227/doc/decisions/cop-13/cop-13-dec-07-ru.pdf> (дата обращения: 14.10.2017).

и устойчивому использованию биоразнообразия, принятые в Айти (Айтинские задачи), к КБР.

К одному из важнейших документов, детально прописывающему направления координации действий в сфере химической безопасности, относится Стратегический подход к международному регулированию химических веществ, принятый об.02.2006 на Международной конференции по управлению в области химических веществ (Дубай, 4—6 февраля 2006 г.), состоящий из Дубайской декларации об управлении в области химических веществ на международном уровне, Общепрограммной стратегии и Глобального плана действий. Стратегический подход повышенное внимание уделяет вопросам содействия формированию потенциала через оказание технической помощи и передачу технологии.

Акты рекомендательного характера в целом содержат достаточно серьезные политико-правовые обязательства содействовать передаче технологии на международном и, конечно же, на национальном уровне. По своему функциональному назначению они предназначены для определения рамочных основ и ориентируют на принятие мер на международном, региональном и национальном уровне, которые согласованы с положениями международных документов и в свою очередь поощряют надлежащее выполнение договорных обязательств, которые при этом подлежат конкретизации (особенно в документах, выработанных конвенционными механизмами), что повышает эффективности проводимой работы. Кроме этого, в реализации данного рода документов принимают участие многочисленные заинтересованные стороны, что содействует развитию диалога и повышает уровень осведомленности общественности. Решения международных конференций и различных институциональных структур обращены ко всем заинтересованным сторонам, которые вовлекаются не только в обсуждение политических вопросов, но и в выполнение международно-правовых обязательств по различным международным договорам, относящимся к сфере перехода к устойчивому развитию.

В заключении хотелось бы сделать вывод о том, что эффективность международно-правового регулирования передачи технологий в целях устойчивого развития зависит от многих факторов. Один из них — достижение синхронного осуществления разнотипных международно-правовых инструментов регулирования МИНТС, а именно источников «мягкого» и «твердого» международного права в рассматриваемой области международного сотрудничества. Это означает, что последовательное и синергичное выполнение различных по своей природе и по своему предмету

обязательств является залогом кумулятивного эффекта, способного приблизить переход к устойчивому развитию. Одновременно внесем уточнение о том, что совокупность разнообразных международно-правовых основ международного сотрудничества по передаче технологий в целях устойчивого развития является не системой в строгом смысле слова, а системным и к тому же сложно организованным комплексом. Реализация заложенных в них обязательств — наиболее действенная гарантия того, что «устойчивые» технологии действительно будут использоваться на практике для гармонизации трех измерений развития и что их компонентный состав будет расширяться.

Список литературы

1. Бобылев С.Н., Соловьева С.В. ООН: смена целей // *Мировая экономика и международные отношения*. 2016. Т. 60. № 5. С. 30-39.
2. Заворина Ю.А. Концепция устойчивого развития и ее воплощение в международном праве // *Право и политика*. 2016. № 2. С. 239-247.
3. Заворина Ю.А. Устойчивое развитие — принцип международного права? // *Евразийский юридический журнал*. 2015. № 12. С. 34-38.
4. Помазан А.С. Международно-правовое регулирование помощи развивающимся странам в системе международных экономических отношений // *Право. Журнал Высшей школы экономики*. 2015. № 3. С. 27-41.
5. Шугуров М.В. Роль источников «мягкого права» в международном праве устойчивого развития // *Роль международных и внутригосударственных рекомендательных актов в правовой системе России: сборник материалов круглого стола с международным участием (Иркутск, 26.04.2013)*. Иркутск: Иркутский институт законодательства и правовой информации им. М.М. Сперанского, 2013. С. 45-63.
6. Bugg H. C., Voight C. Sustainable Development in International and National Law: What Did the Brundland Report Do to Legal Thinking and Legal Development, and Where Can We Go From Here? Groningen: Europa Law Publishing, 2008. 691 p.
7. Maniruzzaman A.F., Schwabach A., Cockfield A.J., Tarlock A.D. International Sustainable Development Law (UNESCO Project). Oxford: EOLSS Publishers Co Ltd., 2010. 460 p.
8. Schrijver N. The Evolution of Sustainable Development in International Law: Inception, Meaning and Status. Brill: Martinus Nijhoff Publisher, 2008. 711 p.
9. Tladi D. Sustainable Development in International Law: an Analysis of Key Enviro-economic Instruments. Pretoria: University of Pretoria, 2007. 274 p.
10. Vinuales J.E. The Rio Declaration on Environmental and Development: a Commentary. Oxford: Oxford University Press, 2015. 530 p.

On the Issue of a System of International-Legal Instruments in the Sphere of Regulation Intergovernmental Technology Transfer Cooperation for Sustainable Development

Shugurov M. V.,

Doctor of Philosophy,

Associate Professor, Professor of the Department
of International Law of the Saratov State Law Academy

E-mail: shugurovs@mail.ru

Abstract. *The research objective of this study is an elaboration of the notion about set of international-legal instruments of different legal effect in the area of sustainable development that containing provisions on transfer of environmentally sound technologies. The urgency of such analysis is determined by that the technology transfer is regarded in the Post-2015 Agenda as one of means of achieving the Sustainable development goals. This technology transfer is especially significant for developing countries. As methodological background of present study acts the concept of «hard» and «soft» international law showed as relevant for international-legal regulating international scientific and technological cooperation in general and technology transfer in particular. Thereupon the sources of «soft» law are divided on key documents of program and strategical character adopted by global sustainable development summits, on the one hand, and acts of general organs of international organizations, on the other hand. Article demonstrates in a special way the role of strategies and programs elaborated and realized for purpose of implementation of international-legal obligation in the area of technology transfer. Author's increased attention has been paid to analysis of interrelation of international instruments of «soft» and «hard» international law in area regarded that the concept of sustainable development are embodied similarly. There have been ascertained that adopting new international-legal obligations provided for the anew concluded international conventions and implementation of obligations upon earlier concluded international conventions occur in parallel with adopting and implementing political-legal obligations having stimulatory character. In present article have been showed that recommendatory documents plays a significant role for increasing efficiency of international-legal regulating international scientific and technological cooperation. The general conclusion is a proposition that consecutive and complex meeting different obligations provided for such instruments is an essential conditions of cumulative effects capable of brining closer the transition to sustainable development.*

Keywords: *intergovernmental scientific and technological cooperation, sustainable development, technologies, developing countries, «soft» international law.*

References

1. Bobylev S.N., Soloveva S.V. OON: smena tselej // Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya. 2016. T. 60. № 5. S. 30-39.
2. Zavorina Yu.A. Kontseptsiya ustojchivogo razvitiya i ee voploschenie v mezhdunarodnom prave // Pravo i politika. 2016. № 2. S. 239-247.
3. Zavorina Yu.A. Ustojchivoje razvitie — printsip mezhdunarodnogo prava? // Evrazijskij juridicheskiy zhurnal. 2015. № 12. S. 34-38.
4. Pomazan A.S. Mezhdunarodno-pravovoe regulirovanie pomoschi razvivayuschimsya stranam v sisteme mezhdunarodnykh ekonomicheskikh otnoshenij // Pravo. Zhurnal Vysshej shkoly ekonomiki. 2015. № 3. S. 27-41.
5. Shugurov M.V. Rol istochnikov «myagkogo prava» v mezhdunarodnom prave ustojchivogo razvitiya // Rol mezhdunarodnykh i vnutrigosudarstvennykh rekomendatelnykh aktov v pravovoj sisteme Rossii: sbornik materialov kruglogo stola s mezhdunarodnym uchastiem (Irkutsk, 26.04.2013). Irkutsk: Irkutskij institut zakonodatelstva i pravovoj informatsii im. M.M. Speranskogo, 2013. S. 45-63.
6. Bugg H.C., Voight C. Sustainable Development in International and National Law: What Did the Brundland Report Do to Legal Thinking and Legal Development, and Where Can We Go From Here? Groningen: Europa Law Publishing, 2008. 691 p.
7. Maniruzzaman A.F., Schwabach A., Cockfield A.J., Tarlock A.D. International Sustainable Development Law (UNESCO Project). Oxford: EOLSS Publishers Co Ltd., 2010. 460 p.
8. Schrijver N. The Evolution of Sustainable Development in International Law: Inception, Meaning and Status. Brill: Martinus Nijhoff Publisher, 2008. 711 p.
9. Tladi D. Sustainable Development in International Law: an Analysis of Key Enviro-economic Instruments. Pretoria: University of Pretoria, 2007. 274 p.
10. Vinuales J.E. The Rio Declaration on Environmental and Development: a Commentary. Oxford: Oxford University Press, 2015. 530 p.